

Pro et Contra

Весна 1998

Россия и ее западные соседи

Восточная Европа в польской дипломатии

Войцех Зайончковский

**Потенциал вражды versus
потенциал сотрудничества**

Василий Михеев

Выживание или интеграция?

Леонид Злотников

Геополитические искания Киева

Аркадий Мошес

В поисках утраченной власти

Виталий Портников

Pro et Contra

*Весна 1998
Москва*

Pro et Contra

Том 3, № 2
Россия и ее западные соседи

СТАТЬИ

Восток Европы или на восток от Европы?

Алексей Миллер 5

«Концепцию Центральной Европы нередко использовали в отношениях между «малыми» народами этой части континента как инструмент изоляции и ранжирования».

Новая парадигма польской восточной политики

Марина Кучинская 11

«Похоже, Польша подошла к переосмыслению своих национальных интересов на Востоке, а также в Центральной и Восточной Европе в целом».

Восточная Европа в польской дипломатии

Войцех Зайончковский 39

«В будущем Европа может оказаться разделяющейся, но не под влиянием чисто военных расчетов; не будет такой раскол и простым продолжением реалий “холодной войны”».

Потенциал вражды versus потенциал сотрудничества

Василий Михеев 53

«Задача российской политики в Литве – не в том, чтобы препятствовать ее движению на Запад или пытаться создавать “параллельные” структуры безопасности и сотрудничества. Разумнее сохранять pragматичные и добрососедские отношения, признав необратимость вхождения Литвы в европейские экономические и военно-политические структуры».

Внешняя политика Белоруссии: представления и реальности

Анатолий Розанов 68

«Белоруссия следовало бы проявлять чрезвычайную осторожность в своих внешнеполитических пристрастиях, чтобы при неблагоприятном развитии событий не попасть в эпицентр нового противостояния и соперничества великих держав».

Выживание или интеграция?

Леонид Злотников 81

«Распад экономических связей – следствие общесистемного кризиса социализма, и потому выход из тупика следует искать не в интеграции двух или четырех деградирую-

ших экономик.. , а, наоборот, — в раскрытии и транснационализации наших экономик, в опоре на сотрудничество с развитыми странами».

Геополитические искания Киева

Аркадий Мошес 95

«Для Киева укрепление отношений с государствами Центральной и Восточной Европы — не самоцель, а лишь побочный продукт стремления отдалиться от России. Поэтому попытки испортить отношения между Украиной и ее западными соседями бесперспективны и бесполезны».

ГРУППОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В поисках утраченной власти

Виталий Портников 111

«Поддержать Марчука — значило бы воспринять идею равноправности российско-украинских взаимоотношений в ее киевской интерпретации. А к этому российская политическая элита вряд ли готова».

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Украина в системе европейской безопасности

Джеймс Шерр 124

«Интересы России и Украины раздроблены, но во взаимодействии Россия выступает сильной стороной, а Украина — слабой, в чем и состоит одна из главных проблем ее безопасности».

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Вызов национальному государству

Владимир Малахов 141

«Сторонникам русского националистического фундаментализма вряд ли удастся обустроить Россию по этноцентристскому (мононациональному) образцу. Такому развитию будет противостоять не только этническая мобилизация меньшинств, но и весомый финансово-экономический потенциал, накопленный за годы переваривания «проглощенных» супернитетов».

Рецензии 155

Наши авторы 179

Contents and Summaries 181

Выживание или интеграция?

Леонид Злотников

Многие российские политики видят ключ к решению части сегодняшних экономических и политических проблем в восстановлении хозяйственных связей между странами СНГ, и прежде всего между Россией и Белоруссией. Например, Сергей Беляев, в прошлом один из лидеров движения «Наш дом — Россия», писал, что «фактор дезинтеграции превратился в одну из причин всеобщего кризиса, поразившего все без исключения бывшие советские республики»¹. Это представление распространено и в Белоруссии; выступая осенью 1996 года на Всебелорусском народном собрании, Александр Лукашенко сравнил последствия вискулевских соглашений с военными разрушениями: «Великая страна, вышедшая победительницей из самой страшной в истории войны, оказалась беззащитной перед политическими авантюристами. Их безответственность обернулась горем и нищетой для миллионов людей»².

Такому пониманию причин кризиса соответствуют и предлагаемые пути его преодоления: отгородившись от мировой экономики, остановить рост цен на ресурсы и провести планомерную технологическую модернизацию производства, а лет через десять либерализовать цены и интегрировать экономическую систему СНГ в мировую. Идею временного отступления связывают с восстановлением хозяйственных связей в рамках финансово-промышленных групп (ФПГ) и последующим объединением хотя бы части республик в политический союз³.

Допустим, стратегическая цель достигнута: состоялась интеграция экономик «двойки» (России и Белоруссии), затем «четверки» и пр. Обретет ли в этом случае новый союз желанную экономическую мощь? Если видеть причину кризиса в политических событиях (распад КПСС или СССР) и действиях реформаторов за последние пять лет, на вопрос следует отвечать положительно. Если же причины иные — отрицательно. Во втором случае стремление российского правительства интегрировать государства СНГ и установка на региональный изоляционизм (протекционистская политика, развитие внутри Содружества ФПГ, призванных сделать промышленную продукцию конкурентоспособной, и др.) могут оказаться как минимум потерей времени.

Я убежден, что распад экономических связей — следствие общесистемного кризиса социализма и потому выход из тупика следует искать не в интеграции двух или четырех деградирующих экономик и в создании

экономического союза нищих, а, наоборот, в раскрытии и транснационализации наших экономик, в опоре на сотрудничество с развитыми странами. Начну с обоснования своей точки зрения, поскольку от представления о причинах кризиса зависят концепция выхода из него, а также оценка перспектив российско-белорусского экономического союза.

Распад экономических связей — следствие, а не причина кризиса

К общесистемному кризису привели две главные причины. Первая: поразительно низкая эффективность использования ресурсов⁴, вторая: социалистическая система оказалась невосприимчивой к техническому прогрессу. С 70-х годов перестала расти производительность труда, стал прогрессировать износ производственных фондов⁵. С 1972 года капиталовложения в народное хозяйство перестали давать отдачу, начало сказываться исчерпание запасов легкодоступных природных ресурсов. Попытки привести объемы производства и потребления в соответствие с изменившимися условиями производства и явились главным содержанием разразившегося в конце 80-х годов экономического кризиса. Правительство пыталось сдерживать его путем «проедания» золотовалютных резервов страны, привлечения внешних кредитов и некоторого снижения уровня потребления. Однако этого оказалось недостаточно; более того, принятые меры привели к тому, что в последующие годы кризис принял обвальный характер. Сработали механизмы саморегуляции экономики, и попытки свести к минимуму падение уровня жизни обернулись разрывом хозяйственных связей и деиндустриализацией производства.

Низкая эффективность производства выражается в более высоких, чем в развитых странах, затратах ресурсов (в натуральных показателях) на производство единицы товара. Оно тем менее эффективно, чем большее число технологических переделов требуется для получения финальной продукции. Поэтому когда цены на сырье и энергию приблизились к мировым, издержки производства большинства товаров и услуг неизбежно превзошли мировые цены на эти товары. «Для стран СНГ, — писал заместитель председателя коллегии Межгосударственного экономического комитета СНГ Владимир Новицкий, — стало невыгодно импортировать из России чугун (мировая цена в мае 1997 года — 140 долларов США за тонну, а средняя внутренняя — 250), сортовой прокат (300—400 долларов)... По данным Статистического комитета СНГ, средняя экспортная цена в 1996 году за легковой автомобиль, поставляемый из России в страны СНГ, составила 8860 долларов, а в страны остального мира — 3960 долларов»⁶. Очевидно, что высокие внутренние цены вели к дезинтеграции стран Содружества.

Объемы производства упали прежде всего в отраслях, находящихся в конце технологических цепочек: там больше оказывается «накрутка» лишь-

них затрат. По этой причине в российском машиностроении выпуск продукции упал на 60 проц., в легкой и текстильной промышленности — на 80, а в высокотехнологичных отраслях — на 90 процентов. По подсчетам Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, если бы Россия не поставляла за рубеж сырья, объем промышленного производства мог бы сократиться к 1998 году не на фактические 50 проц., а еще больше, на 70⁷.

В СНГ рвались также прежние связи между перерабатывающими и добывающими отраслями, поскольку все большая часть продукции последних уходила на экспорт. Но не они определяли масштабы спада производства. Российские нефтяники, например, сократили поставки не только Белоруссии, но и отечественным потребителям — точно так же, как белорусские калийщики поставили в 1990—95 годах отечественному АПК в 4 раза меньше продукции, чем прежде, значительно увеличив при этом экспорт в дальнее зарубежье.

Хозяйственные связи рвались прежде всего из-за необходимости поддерживать уровень жизни. Поясню это на примере. На единицу производимого продукта в странах Содружества затрачивается как минимум в три раза больше нефти, чем в развитых странах⁸. Допустим, переработав тонну нефти внутри СНГ, мы можем получить — условно — костюм. Если тот же объем нефти продать на мировом рынке, то на вырученную валюту там же можно купить три костюма, оставив, правда, российских химиков, ткачей и швейников без работы. Даже если экспортёры нефти своруют стоимость одного костюма, страна получит больше потребительских товаров (что равнозначно более высокому уровню жизни). Эта экономическая реальность и в Белоруссии, и в России пробивала себе дорогу стихийно, против воли правительства.

Каким оказался эффект разрыва хозяйственных связей между странами Содружества? При общем спаде российского производства к 1994 году примерно на 20 проц. объем реализации товаров в розничной торговле в физическом выражении вырос на 3 проц., то есть даже при таком огромном спаде производства население России стало потреблять больше.

Политики обманываются, полагая, будто восстановление «разорванных связей» способно улучшить жизнь народов стран СНГ; это лишь усилит обнищание населения. К экономическому подъему и благоденствию ведут совсем другие пути, поскольку нельзя декретом вернуть легкодоступные месторождения нефти, восстановить изношенное оборудование и т.д.

Таможенный союз versus эффективность

В 1997 году было отмечено укрепление российско-белорусских связей: белорусский экспорт в Россию вырос, например, на 38 проц., что идет вразрез с общей дезинтеграционной тенденцией в СНГ. Одновременно в

Белоруссии отмечен самый высокий экономический рост в Европе (ВВП увеличился на 11 процентов). Можно ли считать эти феномены взаимосвязанными?

Вхождение Белоруссии в Таможенный союз бесспорно послужило толчком к экономическому росту. Объем производства перестал падать, и белорусская экономика до некоторой степени стабилизировалась уже в июне 1996 года, то есть через три месяца после того, как Ельцин и Лукашенко подписали соглашение «Об удовлетворении взаимных претензий Беларуси и России» («нулевой вариант»), по которому белорусские долги за энергоносители на сумму 1,3 млрд. долларов были реструктурированы в долгосрочные кредиты⁹.

После вступления в Таможенный союз Белоруссия подняла импортные пошлины до российского уровня, отчего ввоз продукции из дальнего зарубежья сократился, а производство ряда товаров в самой республике резко увеличилось. Например, импорт шин для легковых и грузовых автомобилей уменьшился за 1995–97 годы с 114,6 до 22 тыс. штук¹⁰. Вывоз же белорусских шин в Россию только за 9 месяцев прошлого года по сравнению с тем же периодом предыдущего вырос в 2,6 раза (с 635 до 1650 тыс. штук). Введение импортных пошлин на телевизоры сократило только за один год их ввоз со 104,1 до 0,6 тысяч. Производство же белорусских цветных телевизоров выросло за девять месяцев прошлого года на 60 проц., а их экспорт в Россию увеличился на 27,3 процента.

Еще одним фактором роста стала дотационная поддержка со стороны России. По расчетам Института проблем переходного периода, из-за несогласованности таможенной политики внутри Таможенного союза российская казна не досчиталась в 1996 году примерно 400 млн. долларов, которые поступили в белорусский бюджет. Продолжалось накопление текущей задолженности за газ: еще на 300–350 млн. долларов в год.

Дополнительный вклад России в поддержку белорусской экономики через внешнеторговый оборот не столь очевиден. Половина импорта из России приходится на нефть и газ, поставляемые в Белоруссию по более низким ценам, чем в другие страны. Экспорт же товаров из Белоруссии (примерно половина из них — по бартеру) обходится дороже, чем из дальнего зарубежья. Так, в прошлом году Россия покупала в Белоруссии сахар по 513 долларов за тонну, а в других странах — по 307–324 доллара, нити комплексные синтетические — соответственно по 3182 и 2324 доллара за тонну. По моей оценке, Россия, отказываясь покупать более дешевые товары в других странах, передает тем самым Белоруссии примерно 200–300 млн. долларов в год¹¹.

Сотрудники российского Института экономического анализа (директор — Андрей Илларионов) считают, что в совокупности российские дотации Белоруссии составляют около 1,5–2 млрд. долларов в год. Думаю,

что эта цифра несколько завышена, и точнее было бы говорить о 1–1,3 млрд. долларов.

Добавлю, что Белоруссия немало выручила и от продажи вооружений, накопленных на территории республики перед распадом СССР: по некоторым данным, в 1996 году выручка составила 400 млн. долларов.

Рост белорусской экономики вызван не улучшением мотивации труда и не ростом инвестиций в производственный сектор, а кратковременными внешними факторами. Происходит он за счет проедания оборотных средств предприятий¹². В прошлом году Министерство статистики и анализа РБ впервые отметило также проедание запасов населения: во втором квартале 3,4 проц. своих расходов население покрывало за счет сбережений¹³. К тому же падали реальные денежные доходы населения: в ноябре они были на 11 проц. ниже, чем в том же месяце предшествующего года¹⁴.

Таким образом, «белорусское чудо» лишний раз подтвердило, что чудес в природе не бывает. После заключения Таможенного союза и повышения импортных пошлин разорванные связи были отчасти восстановлены — но ценой менее эффективного использования ресурсов. Увеличение производства отечественных товаров в Белоруссии и остановка спада в России произошли за счет проедания ресурсов и падения доходов населения. В обеих странах качественные показатели экономического состояния ухудшились: в Белоруссии начиная с середины 1997 года росли цены и падали денежные доходы населения, в России — росли неплатежи, бартерный обмен и число убыточных предприятий, сокращался объем инвестиций. Предприятия подтолкнула друг к другу протекционистская политика, а не соображения экономической эффективности.

Попытки оживить угасшие экономические связи не имели успеха, потому что снижали производительность общественного труда и уровень жизни населения. Лукашенко не смог возродить рентабельное (!) производство телевизоров «Горизонт» и забросать ими Москву. Юрию Лужкову со своей стороны не удалось наводнить Белоруссию российскими «Москвичами»: сборка зарубежных моделей выгоднее производства отечественных «легковушек». Время и немалые деньги были потрачены зря. Высокие заборы против импорта не помогли, потому что замыкание технологических цепей внутри СНГ от добычи сырья до производства конечного продукта вступает в противоречие со стремлением людей жить лучше.

В начале 90-х годов желание большинства населения сохранить прежний уровень потребления взорвало СССР, теперь оно же отвергает наивных интеграторов. По моей оценке, сейчас восстановления экономических связей можно добиться только средствами принуждения, потому что оно снизило бы уровень жизни примерно на 25–30 процентов. Вчера белорусов и россиян заставляли покупать легковые автомобили стоимостью в полтора-два раза выше только ради того, чтобы российские товаропро-

изводители могли поэкспериментировать с «Москвичом» и «ВАЗом». За это москвичей завтра заставят есть белорусский картофель, который в два раза дороже польского и уступает ему по качеству, и т.д.

Интеграция под защитой протекционизма оправданна только в том случае, если в результате этого резко поднимется производительность общественного труда. Напомню, что сейчас мы отстаем от развитых стран по этому показателю примерно в 10 раз. А потому лозунг политиков: «Интеграция — ключевое слово»¹⁵ должен быть заменен на лозунг экономистов — такой, например, как: «Повышение эффективности производства — ключ ко всем проблемам». Только под таким углом зрения следует оценивать эффективность экономического союза.

Трудно представить себе, как интеграция может решить какие-то наши проблемы, если основные фонды вступающих в сотрудничество предприятий морально устарели и физически изношены¹⁶, сфера НИОКР давно не имеет необходимого оборудования и потеряла лучших специалистов, а интегрирующиеся страны настолько нищи, что не в состоянии поддерживать прежний уровень развития науки. Когда станет ясно, что для существенного повышения эффективности производства следует включать наши предприятия или какие-то их осколки не в финансово-промышленные группы, составленные из высокозатратных производств и хилых банков, а в настоящие транснациональные корпорации (ТНК), то нынешние концепции интеграции и национальной безопасности придется пересмотреть. Выживание важнее интеграции.

ТНК вместо ФПГ

За два года своего существования Таможенный союз не дал практически ничего для повышения эффективности производства. Переход на следующую ступень — к Экономическому союзу — тоже, скорее всего, мало что изменит. Результатов нет потому, что остается нереформированной и по-прежнему неэффективной производственно-технологическая и организационная структура предприятий. Производство сосредоточено на крупных предприятиях¹⁷ с устаревшим оборудованием и низкокачественной продукцией.

Только для того чтобы вернуться к объему промышленного производства, существовавшего в России в 1992 году, требуется, по оценкам правительственный экспертов, примерно четыре триллиона долларов¹⁸. Таких денег у России нет. Аналогичная ситуация — и в народном хозяйстве Белоруссии: на модернизацию ее промышленности, по расчетам Минэкономики, нужно 50 млрд. долларов¹⁹, на деле же ежегодно инвестируется всего около 1 проц. этой суммы. Очевидно, что более глубокая интеграция ситуации не изменит. К примеру, уже более трех лет российская «Славнефть» не может найти денег (не своих, а зарубежных!) для реконструк-

ции Новополоцкого нефтеперерабатывающего завода, в проведении которой компания заинтересована.

Так что экономическая интеграция Белоруссии и России не решает центральной задачи — резкого повышения эффективности производства. Для этого требуются глубокая реструктуризация машиностроительных предприятий (в первую очередь) как основы инвестиционного комплекса, вычленение жизнеспособных звеньев и их интеграция в жизнеспособные структуры. При выборе направлений реструктуризации полезным ориентиром может служить мировой опыт.

Конкуренцию могут выдержать несколько типов компаний²⁰. Во-первых, те, что действуют на рынке стандартных массовых изделий. Преимущество этих компаний: они могут производить товары с минимальными издержками — «дешево, но прилично». Мощное оборудование таких компаний должно быть загружено до предела. Их товары известны, как правило, во всем мире («Мальборо», «Вестингауз» и др.). Второй тип: узкоспециализированные компании, изготавливающие продукцию для небольшого круга потребителей. Их сила — в быстром освоении новых модификаций и высоком качестве. Взаимодействие крупных, как правило сборочных, предприятий с массой мелких специализированных обеспечивает низкие издержки и высокое качество товаров. Третий тип: венчурные фирмы, пытающиеся найти революционные и баснословно выгодные (в случае удачи) решения при производстве новых товаров и услуг. В 85 случаях из 100 такие компании кончают банкротством, но в 15 достигают успеха, и тогда за выпуск нового изделия берется крупная фирма с массовым характером производства (она покупает патент, инкорпорирует венчурное предприятие и т.д.). Взаимодействие этих трех типов фирм обеспечивает в странах с капиталистической экономикой высокую скорость научно-технического прогресса, а также производство дешевых и качественных товаров.

Ситуация в постсоветском машиностроении совсем иная. Приведу один пример. Знакомясь с производством на одном из минских заводов, я обратил внимание на заготовку, 75 проц. которой (по весу) надо было перегнать в стружку, чтобы получить деталь. Западный же конкурент этого предприятия выпускает заготовку, настолько близкую по форме к готовой детали, что требуется лишь очень малая доработка — на специальной станочной линии. Минский завод купить ее не может, так как она не окупится при его малых сериях. В российской практике тоже множество аналогичных ситуаций. Например, в свое время ЦСКБ «Прогресс», ведущее предприятие российской космической индустрии, наладило производство масляных фильтров для «АвтоВАЗа». Но производство было мелкосерийным и потому убыточным — ведь пришлось делать автоматическую линию, которая на два порядка сложнее, чем сам фильтр²¹.

Отдельные участки, входившие в состав НПО, ПО и других гигантов, превратившихся в советские времена чуть ли не в натуральные хозяйства, следует трансформировать в самостоятельные фирмы, помочь им приобрести специализированное оборудование и наладить массовое производство — не только для предприятий своего бывшего объединения, но и для любых других заводов, в том числе зарубежных. А чтобы дирекция созданного таким образом предприятия была заинтересована в поиске рынков сбыта для своей продукции во всех частях света, предприятие должно быть частным²². Если, например, из состава предприятия выделяется фирма по производству шестерен, то на ряде других заводов участки, производящие подобную продукцию менее эффективно, следовало бы ликвидировать. Тогда реструктуризация предприятий приведет к формированию современной и эффективной системы специализации и концентрации.

Только после того как промышленность начнет выпускать дешевые и качественные детали и узлы, можно будет говорить о производстве конкурентоспособных машин и оборудования. Нынешние же попытки правительства обеих стран наладить такое производство (вспомним примеры с «Горизонтом» или «Москвичом») без опоры на производство хороших комплектующих, концентрацию производства и емкие рынки сбыта успеха не принесут.

Выхода за рамки рынков СНГ требует не только производство стандартных и массовых изделий, а даже изготовление таких, казалось бы, простых изделий, как обувь. Как утверждал директор одной из обувных фабрик, «выгодно работать по такой схеме: на Тайване кожу покупать дешевую, отсыпать ее в Индию, шить там заготовку и получать оттуда с понижающим (до 25 проц.) коэффициентом»²³.

В современном транснационализированном производстве изменились отношения между производителями комплектующих и конечной продукции: финансовая нагрузка и риск легли на плечи первых. Зарубежные автозаводы выбирают поставщиков, которые изготавливают более дешевые и качественные тормоза, сиденья, пневмоподушки и т.д., и потому мелкие фирмы, производящие отдельные узлы, вынуждены, борясь за выживание, сливаться. На рынке деталей и узлов остаются по две-три мощные фирмы (не по числу работающих, а по сегменту рынка и объему производства), зоной влияния которых становятся континенты и даже мир в целом.

В международное разделение труда, выходящее за пределы СНГ, нельзя включиться только отчасти. Технически сложное изделие состоит из тысяч деталей, но даже если несколько из них окажутся некачественными, то неконкурентоспособным становится изделие в целом. А так как качество комплектующих в СНГ низкое (при том, что издержки производства обычно в несколько раз выше, чем в развитых странах), производство конкурентоспособной сложной техники в странах Содружества возможно

только при условии, что поначалу *большинство* деталей и узлов (70–80 проц.) будут поступать не из СНГ. Замена же небольшого их числа на привозные дела не изменит.

Приведу выразительный пример ошибочной стратегии, построенной на слабой частичной интеграции. В 1996–97 годах московский автозавод АО «Москвич» попытался отказаться от некачественных двигателей уфимского завода. Однако моторы «Рено» слишком удорожали «Москвич», и после 18 месяцев простоя автозавод вернулся к уфимским моторам. Если бы он монтировал свой более комфортабельный седан «2142» только из импортных деталей, тот был бы по стоимости сравним с однотипными иномарками. Машина же, собранная из отечественных узлов, оказалась не только хуже по качеству, но и на 2,5 тыс. долл. дороже однотипных иномарок²⁴. Если бы доля деталей и узлов, произведенных «Рено», составляла 70–90 проц., то небольшое число отечественных комплектующих не смогли бы «утяжелить» издержки настолько, чтобы утопить автомобиль в целом.

Казалось бы, Таможенный союз должен открыть более благоприятные возможности для формирования в Содружестве крупных предприятий, выпускающих массовую продукцию. Однако из-за низкого платежеспособного спроса населения и предприятий рынок СНГ не особенно емок. Нет здесь и сети предприятий второго типа, специализирующихся на выпуске деталей и узлов. Утрачена мобильность производства, а на освоение новых технологий нет инвестиций. И потому экономическая интеграция внутри СНГ, создание ФПГ на базе морально и физически изношенных предприятий без реструктуризации производственно-технических связей и модернизации основных фондов сведется лишь к оживлению высокозатратного производства.

Впрочем, на практике экономическая необходимость реализуется иногда вопреки воле политиков, выступающих за интеграцию внутри СНГ. Например, российские авиакомпании покупают «Боинги», оставляя на «умирание» своих авиастроителей. ОКБ им. Сухого покупает дюораль для своих спортивных самолетов, экспортимых в Америку, не в Братске (там он дорог), а в ФРГ. Даже после введения 30-процентной импортной пошлины на металлорежущие станки их ввоз из дальнего зарубежья продолжается²⁵.

Транснациональные объединения внутри Содружества, созданные не по инициативе производителей, а по решению правительства²⁶, развиваются медленно и неэффективно. Так, в 1997 году было подписано правительственное соглашение о создании ФПГ «БелРусАвто», увязывающее производство устаревшего двигателя ЯМЗ-238Д и белорусских «МАЗов». Российское правительство выделило белорусам кредит для закупки партии названных двигателей, но на ярославском «Автодизеле» деньги пошли не на модернизацию производства, а на выплату зарплаты рабочим, которые

к тому времени не получали ее уже пять месяцев. Специалисты Минского автозавода понимают, что на ярославских двигателях, отвечающих стандарту спецификации Евро-1, далеко не уедешь: в Европе уже собираются внедрять стандарт Евро-3. Поэтому минчане ищут другие двигатели, испытывая продукцию различных зарубежных фирм, а в декабре 1997 года создали с концерном MAN совместное предприятие по сборке грузовиков из немецких двигателей, коробок передач, кабин и других комплектующих. Другой белорусский завод намерен установить на свою перспективную модель самосвала «БелАЗ 75131» мощный и эффективный двигатель фирмы «Камминс», потому что моторесурс российских моторов ниже, чем у их зарубежных аналогов.

Белорусские фирмы охотно идут на сотрудничество с западными компаниями, так как понимают: там есть и деньги, и технологии. Пример же ФПГ «БелРусАвто» показал, что, замкнувшись внутри СНГ, предприятия не могут получить ни новых инвестиций, ни новых технологий. Впрочем, строго говоря, «БелРусАвто» финансово-промышленной группой не является. По определению ФПГ — это переплетение акционерных капиталов, а Минский автозавод не только не приватизирован, но даже не акционирован.

В России существуют несколько крупных ФПГ, образованных на базе предприятий оборонного комплекса и конкурентоспособных на мировом рынке (производство истребителей-бомбардировщиков, вертолетов, танков и т.п.), но это скорее исключение из правила. Для большинства других предприятий, прежде всего машиностроительных, выход из положения видится в интеграции с известными транснациональными корпорациями. «Решение здесь одно, — считает директор оборонного НПО, не раз попробовавший выпускать высокотехнологичные товары, — организовать крупные предприятия совместно с кем-то, отдавая при этом наш рынок той фирме, которая будет создавать это предприятие. Иными словами, фирма передает нам технологию массового производства, вкладывает деньги в создание завода, отдавая при этом и часть своего рынка»²⁷. То же утверждает и другой практик, заместитель министра промышленности Белоруссии Владимир Галко: «...единственный путь выхода на мировой уровень — разработку новых изделий и изготовление опытных образцов новых машин осуществлять с использованием компонентов мировых производителей»²⁸.

Соответствует ли интеграция стратегическим интересам стран СНГ?

Допустим, что сторонники экономической интеграции России и Белоруссии добились даже введения единой валюты и создания общего эмиссионного центра. Что произойдет в таком случае с экономикой? Повторяя

неоднократно высказываемые мнения республиканских руководителей, четкий ответ на этот вопрос дает в своей статье белорусский экономист Якуб Александрович²⁹. Стремление к интеграции он объясняет следующим образом: «Так как конкурентоспособность отечественной продукции на рынках дальнего зарубежья сравнительно низкая, а осуществить реконструкцию народного хозяйства на основе современных технологий в короткие сроки невозможно, то российский рынок и рынки других стран СНГ в ближайшие две-три пятилетки останутся основными рынками сбыта для белорусских товаров». Такой подход предполагает отказ от создания дублирующих мощностей, углубление производственной кооперации³⁰, а также совместное финансирование программ развития экономики и «формирование единого заказа на основные виды продукции». Интегрировать предполагается отрасли, способные выпускать продукцию, пользующуюся спросом не только внутри Экономического союза, но и за рубежом (слово «конкурентоспособность» Александрович не употребляет. — Л.З.). Исходя из этого объектами интеграционных связей должны стать в первую очередь такие развитые отрасли белорусского народного хозяйства, как производство автомобилей и моторов к ним, комплектующих узлов для выпуска телевизоров и другой телекоммуникационной техники, в том числе отрасли, обеспечивающие «увеличение выпуска и расширение ассортимента изделий легкой промышленности».

В интегрируемых отраслях должна быть обеспечена «непрерывность технологического процесса, в том числе и за счет комплектующих производств РФ, начиная от поставки сырья и комплектующих и кончая сборкой готовых изделий». Дублирующие производства должны быть исключены. При этом «необходимая для условий рынка конкуренция, способная противостоять техническому застою, должна обеспечиваться ограниченным ввозом аналогичной продукции на территорию Беларусь».

Даже эта краткая характеристика предлагаемой модели интегрированной экономики позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, речь идет, по сути дела, о возврате к подобию плановой экономики. Иначе трудно себе представить, как можно «исключить дублирование» или «формировать единый заказ на основные виды продукции», совместно финансировать развитие почти всех отраслей народного хозяйства. В то же время в статье белорусского интегратора нет ни слова о приватизации или создании рынка ценных бумаг как механизма накопления инвестиций. Такой поворот к социализму неслучен: он соответствует настроениям многих белорусов и россиян.

Во-вторых, интеграция понимается как восстановление «разорванных связей» и расширение производства отечественных товаров в конечных отраслях, в том числе возобновление производства отечественных автомобилей, электроники, товаров легкой промышленности и т.д.

В-третьих, предполагается, что низкоэффективное производство может просуществовать еще 10–15 лет, пока постепенно, с опорой на собственные ресурсы не будет модернизировано производство и не вырастет жизненный уровень. Такая же «модернизационная» стратегия с опорой на собственные силы популярна среди левых и в России.

Замечу, что можно представить себе и иную, рыночную, модель интеграционного процесса, когда хозяйственный механизм Белоруссии подстраивается к российскому. Однако и в этом случае государству придется ограничить свободу внешней торговли. Потому что в противном случае (то есть при либерализации режима внешней торговли) никто не станет покупать ни минские телевизоры, ни «Москвичи». Значит, для интеграции обеих экономик потребуется как минимум поднять и без того высокие импортные пошлины. Сейчас, например, они повышают цену легковых автомобилей в Минске в 1,5–2 раза по сравнению с рынками соседнего Вильнюса. И тем не менее на белорусских рынках не найти «Жигулей» возрастом до семи лет, поскольку на них нет спроса³¹. Еще одна связь осталась невосстановленной, несмотря на протекционизм.

Протекционизм, как известно, снижает уровень жизни защищаемого населения. Например, в случае отмены импортных пошлин на продовольствие население Белоруссии смогло бы тратить на питание на 1–1,2 млрд. долл. в год меньше (для сравнения: денежные расходы населения республики составляют около 7 млрд. долл. в год)³². Раскрытие экономики и снижение уровня протекционистской защиты в Таможенном союзе с сегодняшних 14 до 4 проц. (как в странах-членах ВТО) — это серьезный резерв повышения уровня жизни населения обеих стран, для мобилизации которого не нужны ни инвестиции, ни время. Этот резерв может вскоре быть востребован.

В Белоруссии текущее потребление превышает сейчас объем создаваемого ВВП. Наступит время, когда придется жить по средствам. Даже несмотря на постоянную задолженность по заработной плате, сходная ситуация существует и в России. В обеих странах не обеспечено простое воспроизведение основных фондов и нарастает их износ. При том, что для простого воспроизведения в отраслях ТЭК требуется 10 млрд. долл. инвестиций в год, реально в 1996 году было вложено только около 300 миллионов. Когда фонды будут проедены, придется зажимать пояса еще туже — сомнений нет. У российского населения потребление может упасть на 20–25 проц., и тогда к власти могут прийти политики, которые не станут пересаживать чиновников с иномарок на «Волги», а, наоборот, решительно откажутся от дотаций убыточным предприятиям (в том числе в АПК), как это было сделано в Эстонии или Польше. Вот тогда, в период решительных преобразований, для обеспечения социальной защиты может пригодиться такой резерв, как раскрытие экономики.

Итак, экономическую интеграцию, понимаемую как восстановление былых экономических связей на пространстве СНГ, в том числе Белоруссии и России, нельзя осуществить без сильного протекционизма. Однако он:

- консервирует технологическую отсталость производства и низкую эффективность экономики;
- вызовет дальнейшее понижение уровня жизни;
- препятствует реальной интеграции в ТНК, которая идет сегодня явочным путем, потому что это диктует экономическая необходимость³³.

Интеграция экономик Белоруссии и России не решает центральной задачи — резкого роста производительности общественного труда, а значит, не устраниет угрозы целостности России. Открытие экономики для западных технологий и инвестиций в рамках стратегии «несбалансированного развития»³⁴ — это единственная возможность эффективного использования крайне ограниченных ресурсов обеих стран, позволяющая выйти из экономического тупика.

Примечания

- ¹ С. Беллаев, «Наш дом — Россия», «Международная жизнь», 1995, №№ 11—12, с. 7.
- ² «Советская Белоруссия», 20.10.1996.
- ³ Такую стратегию содержат предложения Института экономики РАН к разработке программы «Реформы и развитие российской экономики в 1995—97 годах» (См.: «Вопросы экономики», 1994, № 11).
- ⁴ В наши дни в расчете на 1 кг потребленных энергоресурсов в Белоруссии производится в девять раз меньше продукции, чем в Дании.
- ⁵ При том, что доля инвестиций в валовом внутреннем продукте (ВВП) росла и была гораздо выше, чем в развитых странах (в 1989 году — соответственно 34 и 22 проц. ВВП)
- ⁶ «Финансовые известия», 19.08.1997.
- ⁷ «Проблемы прогнозирования», 1997, № 5, с. 80.
- ⁸ Данные в натуральных измерителях и без учета организационно-экономических потерь.
- ⁹ Выплата начнется после 2005 года.
- ¹⁰ Данные за 1997 год охватывают только 9 месяцев.
- ¹¹ Следует, впрочем, заметить, что и белорусские предприятия ввозили из России некоторые товары по ценам выше мировых (металлопрокат в 1,5—1,8 раза, цветные металлы в 1,1—1,2 раза дороже). См.: Промышленная политика России. «Общество и экономика», 1997, № 5, с. 87.
- ¹² По данным Минстата Белоруссии оборотные фонды выросли на 174 проц. при росте цен на товары производственно-технического назначения на 188,8 проц., что означает их уменьшение в фиксированных ценах на 8 процентов (см.: О работе народного хозяйства Республики Беларусь в январе—ноябре 1997 г. Минск, Министерство статистики и анализа РБ. 1997 г.). Иными словами, 70 проц. прироста ВВП было обеспечено за счет «проедания» оборотных средств предприятий.
- ¹³ Расходы и доходы населения Республики Беларусь. II квартал 1997 года. Минск, Министерство статистики и анализа РБ, 1997, с. 41.
- ¹⁴ О работе народного хозяйства Республики Беларусь. Январь—ноябрь 1997 г. Минск, Министерство статистики и анализа РБ, 1997, с. 8.

- ¹⁵ С. Беллев. Ук. соч., с. 7.
- ¹⁶ Степень износа машин и оборудования в промышленности России на 01.01.1996 года составила 60,6 процентов (см.: Итоги переоценки основных фондов РФ на 1 января 1996 г. «Вопросы статистики», 1996, № 6, сс. 59—71).
- ¹⁷ По данным Аntимонопольного комитета России, 90 проц. промышленного потенциала страны сосредоточено на предприятиях с числом занятых выше 10 тыс. человек.
- ¹⁸ См.: Промышленная политика: выбор пути развития на ближайшие два года. «Вопросы экономики», 1996, № 11, с. 8. Для сравнения: ФРГ вложила в модернизацию экономики своей восточной части с населением около 17 млн. человек более 1 трлн. долларов.
- ¹⁹ «Советская Белоруссия», 7.04.1994.
- ²⁰ Подробнее см.: А. Юданов. Теория конкуренции: прикладные аспекты. «Мировая экономика и международные отношения», 1997, № 6, сс. 41—53.
- ²¹ «Независимая газета», 20.11.1996.
- ²² Впрочем, для таких предприятий приемлема и коллективная форма собственности, столь привлекательная для многих наших граждан.
- ²³ Отечественное производство и импорт: факторы конкурентоспособности. «Проблемы прогнозирования», 1997, № 2, с. 125.
- ²⁴ «Финансовые известия», 19.08.1997.
- ²⁵ См. интервью с директором НПО «Исток». «Проблемы прогнозирования», 1997, № 4, сс. 150—161.
- ²⁶ «Финансовые известия», 5.03.1998.
- ²⁷ С. Голубева. Транснациональные российские ФЛГ. «Российский экономический журнал», 1996, № 7, с. 35.
- ²⁸ «Белорусская думка», 1998, № 3, с. 54.
- ²⁹ Я. Александрович. Экономические предпосылки для углубления интеграционных связей Беларусь и Россия. «Белорусский экономический журнал», 1997, № 1, сс. 33—40.
- ³⁰ Вспомним, сколько раз белорусские руководители предлагали загрузить мощности Минского тракторного завода и не браться за освоение новых машин в Липецке.
- ³¹ С. Канунников. «С ржавых «Жигулей» на битые «Ауди» — тоже прогресс». «Белорусский рынок», 1998, № 2, с. 16.
- ³² Л. Злотников. АПК: выход из кризиса — в возврате к кооперации. «Дело», 1994, № 10, сс. 6—13.
- ³³ Иностранные фирмы уже много раз предлагали организовать производство своей продукции на площадках минского завода «Горизонт». Всякий раз им отказывали: руководство Белоруссии все еще надеется, что россияне скоро начнут вместо телевизоров «Samsung» или «LG» покупать телевизоры белорусского производства (а не сборки!).
- ³⁴ Промышленная политика: выбор пути развития на ближайшие два года. Доклад Экспертного института. «Вопросы экономики», 1996, № 11.

expansion and disagreement on what the future international order in Europe should look like. Warsaw has compensated for the cooling of its relationship with Russia by establishing a so-called strategic partnership with Ukraine and Lithuania. Relations with Belarus never acquired this dynamic and have considerably deteriorated over the past two years as a result of the curtailment of civil rights in that country. Belarus, however, is not the only state that has experienced problems with democratization, and in the longer term Europe risks breaking into two groups of states — those that have achieved democracy and those that have failed to do so.

The Potential for Enmity versus the Potential for Cooperation

Vasily Mikheev 53

Under the USSR and during the years of independence, Russia and Lithuania have developed the potential for both animosity and cooperation. The main problems today are Lithuania's desire to join NATO and the development of the Kaliningrad enclave, which belongs to Russia. Moscow's unyielding opposition to NATO expansion runs counter to the logic of its declared democratic transformation and has not been backed up by a set of workable countermeasures. The problem of Kaliningrad has two aspects: its political future and its day-to-day life support. Officially the status of the Kaliningrad Oblast has not been disputed by anybody. However, several alternatives have been discussed in Russia, Germany, Lithuania and Poland — ranging from German autonomy within Russia to the creation of a fourth Baltic state. The issue has direct bearing on the interests of Lithuania, which at the end of the Second World War incorporated part of East Prussia. The election of Adamkus, a naturalized American, as President of Lithuania will benefit Russo-Lithuanian relations, which for a long time have been held hostage to a confrontation between Lithuanian nationalist conservatives and former Communists. Russia should take advantage of this situation by allowing Lithuania to join the West, moving in this direction herself, and transforming the Kaliningrad region into a testing ground for economic, security and legal cooperation between Russia and the West.

The Foreign Policy of Belarus: Appearances and Reality

Anatoly Rozanov 68

This article deals with some central problems involved in the development and implementation of a foreign policy concept for the Republic of Belarus. An official document formulating the fundamentals of the country's foreign policy is still under consideration, but its value for the scholar is limited. Belarus' foreign policy gives priority to strengthening the CIS and integration with Russia. According to Minsk, the CIS should be transformed from an instrument of «civilized divorce» into a means of bringing its peoples closer, and eventually uniting them. While retaining a certain dynamism, the integration of Belarus and Russia has run into serious problems that are capable of slowing down and even discrediting integration. Belarus' relations with European organizations and Western countries have also been marred by problems. The West is clearly leaning toward recrimination in its assessment of changes that have taken place in Belarus since the November 1996 referendum. Continuation of the present course then may throw Belarus to the roadside of European integration. The foreign policy of Belarus needs to be adjusted and enriched with new ideas.

Survival or Integration?

Leonid Zlotnikov 81

The severance of economic ties between Russia and Belarus was an effect rather than the cause of economic crisis and the collapse of the USSR. The rift followed the boundaries between the extracting and processing industries, rather than between the states. That is why hopes that the integration of Russia and Belarus will improve the economic situation in the two countries are doomed to be dashed.

The creation of a Customs Union and increased protectionism in Belarus have resulted in growth in the national production. The increased output, however, has been due to a «frittering away» of enterprises' working capital, resulting in declining living standards and exhausted fixed assets. Under protectionist regimes, economic integration can only reduce the living standard in the two countries even further, and is therefore not viable. The deep economic crisis can only be overcome by boosting productivity several times over — a feat that cannot be accomplished by the financial-industrial groups currently coalescing in the Commonwealth of Belarus and Russia.

The solution lies in a thorough restructuring of the engineering sector and integration of its still viable components in the world economy, primarily by means of forming transnational corporations. This alone can create conditions for raising economic productivity and the living standard.

Kiev's Geopolitical Quest

(Central and Eastern Europe in Ukraine's Foreign Policy)

Arkady Mosbes 95

Ukraine has insisted that it is part of Central and Eastern Europe and has stressed the importance of its ties with other countries in the region. In reality, however, a regional policy does not have much independent value for Kiev. Rapprochement with Central and Eastern Europe is seen primarily as an intermediate step in Ukraine's movement westward and as an additional means of distancing itself from Russia. As a result, Ukraine's Central European policy remains poorly formulated, with country-to-country priorities yet to be established.

In the short and intermediate term, Ukraine's active penetration of Central and Eastern Europe is unlikely. NATO expansion to the East, as it is currently defined, is going to create a deep demarcation between Ukraine and its neighbors in the west that are potential NATO and EC members. This will make the task of Kiev's genuine interaction with the countries in the region so much more difficult. Ukraine's weak economic attractiveness along with political instability due to the biennial election cycle will add to its western neighbors' fears that Ukraine's social problems are contagious. For this reason the states of Central and Eastern Europe will strive to preserve the differences between their own status and that of Ukraine.

A POLITICAL GROUP PORTRAIT

In Search of Lost Power

Vitaly Portnikov 111

Does Leonid Kuchma, the present Ukrainian President, have a chance of winning the 1999 presidential election? Who will become his principal rival not only in the presidential race but also in attracting the sympathies of Russia's political and business elites? The March 1998 parliamentary election returns provide some preliminary answers to these questions. This «rehearsal» of the presidential election provided an indication of the comparative standing and popularity of the principal contenders. It returned to power the speaker of the former parliament, Socialist Alexander Moroz, along with former premiers Evgeny Marchuk and Pavel Lazarenko. While Moroz's election has been seen by many as proof that this Left-wing politician is capable of becoming the nominee of a united front of Communists, Socialists, and their sympathizers in the 1999 election, Marchuk and Lazarenko will have to spend a lot of time and effort consolidating their positions. Marchuk, who is seen as one of the most promising politicians in the country, must shed the image of a limelight-shy, arm-chair politician. Lazarenko, whose party was supported in basically just one of the country's regions (the Dnepropetrovsk Oblast), has yet to prove that he can become a politician of national caliber for whom politics is more important than business. There remains the possibility that